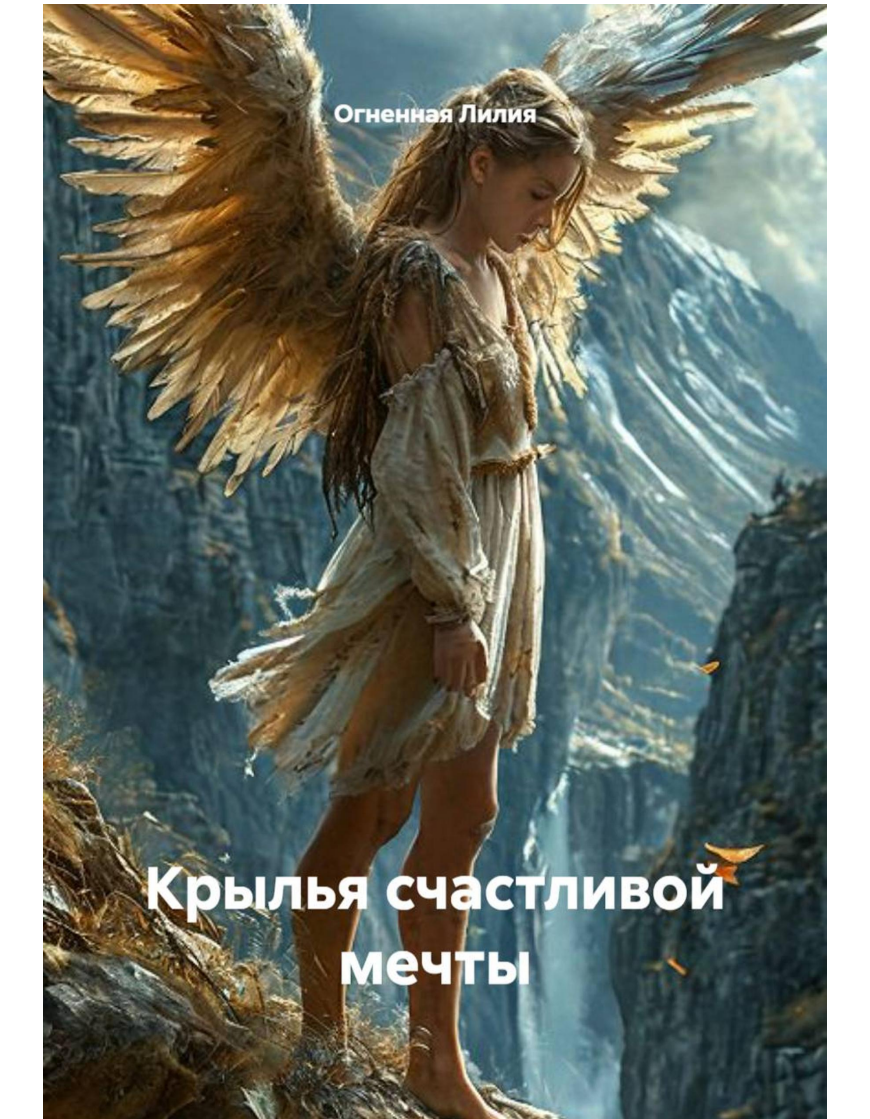

Огненная Лилия

Крылья счастливой
мечты

Огненная Лилия

Крылья счастливой мечты

<https://litres.ru/74271322>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где все рождаются с крыльями, героиня – калека: её крылья не раскрылись никогда. Она падала трижды: в детстве её поймал незнакомец, в академии она безуспешно пыталась пробудить инстинкт, а влюбившись, услышала, что «тяжёлая душой». Найдя таинственный медальон, она увидела видение и голос, пообещавший, что крылья спрятаны от страха. Но третий раз – смерть матери и падение с переломом позвоночника – заставил её усомниться в мечтах. Однако финальная фраза оставляет надежду.

Содержание

Пролог	4
Часть 1. КЛЕТКА ДЛЯ ПТИЦЫ.	8
Глава 2. Академия пустых небес	15
Гл	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Огненная Лилия

Крылья счастливой мечты

Пролог

Падение без крыльев

Никто не помнит, как начал падать. Это знание уходит раньше, чем первый крик. Но я помню. Потому что я падала трижды. И дважды меня ловили.

Первый раз — когда мне было пять лет. Тогда у меня ещё были крылья. Маленькие, белые, пушистые, как у птенца чайки. Я не умела ими толком махать, но однажды на рассвете я просто выпрыгнула из окна нашей башни — седьмой этаж. Не потому что хотела умереть. Потому что увидела облако, похожее на кролика, и решила, что это мой друг. Дети в нашем мире не падают — они планируют. Крылья раскрываются инстинктивно, даже у младенцев. Но мои... не раскрылись. Я помню, как ветер резал глаза, как мамин крик разрывал утро, как земля приближалась слишком быстро. И вдруг — стоп. Меня поймал мужчина с татуировкой в виде компаса на шее. Я не запомнила его лица. Запомнила запах: дым, мята, старое железо. Он поставил меня на землю, погладил по голове и сказал: *«Ты ещё не готова. Но когда-нибудь твои крылья вырастут такими, что закроют всё небо»*.

Он соврал.

Второй раз — в одиннадцать. В день, когда мама увезла меня в Академию Пустых Небес. Я тогда ещё верила, что крылья можно натренировать, как мышцы. Что если каждый день бегать, прыгать, падать снова и снова — то однажды что-то щёлкнет в спине, и ты взлетишь. В академии была специальная яма — «Гнездо падших». Глубиной двадцать метров, дно устлано мягкими перинами. Нас, слабых, заставляли прыгать оттуда без крыльев — чтобы «пробудить инстинкт». Я прыгнула сто тридцать семь раз за два года. Мои крылья не проснулись. Зато проснулась боль в позвоночнике, которую врачи называли «синдром мёртвого ангела». В моем спинном мозге не было нервных окончаний, отвечающих за крылья. Это как родиться без пальца. Только хуже. Потому что в мире, где все летают, ты — калека.

Но я не плакала. Я придумала игру. Я говорила себе: «Если я не могу летать, значит, я увижу то, что не видят летуны. Они смотрят в небо, а я буду смотреть в землю. Я найду что-то ценное там, куда они никогда не смотрят». Это помогало ровно до четырнадцати лет. Пока я не влюбилась.

Его звали Корвин. Он был старше на два курса, и его крылья сияли чёрным золотом — редкость даже по меркам академии. Он любил летать на закате, и я каждый день приходила на крышу обсерватории, чтобы смотреть, как он чертит дуги в розовом небе. Однажды он заметил меня. Спустился. Улыбнулся. Спросил: *«Почему ты никогда не летаешь?»* Я

ответила правду. Он посмотрел на мою спину, потом мне в глаза и сказал: *«Это неважно. Я буду летать за нас двоих»*.

Я поверила. Потому что мне было четырнадцать, и я не знала, что слова — самые лёгкие крылья в мире. Они ничего не весят. Их не видно. И они никогда не поднимут тебя выше, чем на высоту чужой жалости.

Через три месяца он ушёл к девушке с идеальными серебряными крыльями. На прощание он сказал: *«Ты просто... тяжёлая. Не физически. Душой. С тобой невозможно летать. Ты как камень в кармане»*.

Той ночью я впервые не пришла на крышу. Вместо этого я пошла в подвал академии — в хранилище «сломанных артефактов». Там пылились вещи, которые считали бесполезными: зеркала без отражений, колокольчики без звука, карты без дорог. И там я нашла его — маленький медальон в виде запертой клетки. Внутри не было птицы. Было только одно пёрышко, серое, как пепел. Я взяла его в руки, и медальон открылся. Пёрышко вонзилось мне в палец — капля крови — и вдруг я увидела.

Небо. Не наше. Чужое. Там не было звёзд — только янтарные глаза. Чьи-то огромные, тёплые, как мёд, глаза смотрели на меня сквозь тьму. И голос, низкий, хриплый, как если бы человек не говорил тысячу лет, прошептал: *«Ты не потеряла крылья. Ты их спрятала. От страха. От боли. Но я приду. И ты вспомнишь, как падать вверх»*.

Видение исчезло. Я зажала медальон в кулаке и поклялась

себе: *«Я найду того, кто это сказал. Или сойду с ума. Либо то, либо другое».*

Третий раз я падала в день, когда умерла мама. Но это уже не пролог. Это первая глава. И в ней не будет мягких перин и чужих рук. Потому что в тот день, когда маму сбросили с башни, меня никто не ловил. Я упала на землю и сломала позвоночник в трёх местах. И когда я лежала в грязи, глядя в небо, откуда всё ещё сыпались белые перья, я поняла: мечты не спасают. Мечты — это роскошь для тех, у кого есть крылья. А у меня их не было. И никогда не будет.

Или я так думала.

Часть 1. КЛЕТКА ДЛЯ ПТИЦЫ.

Глава 1. День когда я перестала мечтать

Меня зовут Лисса Вираго. Мне семнадцать лет. Я живу в городе, где все здания построены так, чтобы с них можно было взлететь. Плоские крыши, открытые террасы, причалы для воздушных потоков. Даже мусорные баки здесь снабжены амортизаторами — мало ли, в них упадёт пьяный курьер с перепончатыми крыльями. Архитектура нашего мира не знает слова «лестница». Точнее, знает, но использует только для «бескрылых» — так официально называют нас, калек. Мы — статистическая погрешность. 0,3% населения. Нас можно не замечать, как трещины на асфальте.

После падения с башни я провела в больнице шесть недель. Маму похоронили без меня. Когда я вышла, моя комната в общежитии академии была пуста — её отдали другой. Мои вещи сожгли по правилу «чистоты гнезда»: если студент не вернулся через месяц, он считается мёртвым. Я была жива, но система уже поставила на мне штамп «списана».

Я пошла к декану. Высокий мужчина с крыльями альбатроса, белыми, но в жёлтых пятнах — возраст. Он посмотрел на мою справку о переломе позвоночника, на отметку «бескрылая с рождения» и сказал: «Лисса, ты хорошая ученица. По теоретическим дисциплинам — лучшая на потоке. Но академия не может держать студента, который... ну...

не может подняться на второй этаж без лифта. Это же Академия Пустых Небес. Понимаешь? Не Академия пустых надежд». Он засмеялся собственной шутке. Я не засмеялась.

— У меня есть медальон, — сказала я. — Артефакт. Он показал мне... кое-что. Возможно, мои крылья можно пробудить.

Декан нахмурился. «Ты про то пёрышко в подвале? Это хлам. Школьная легенда. Каждый год какая-нибудь отчаявшаяся бескрылая девчонка приходит с этим бредом. Лисса, не усложняй. Мы дадим тебе направление в колонию для бескрылых в Южной долине. Там тебя научат полезным ремеслам: шить, готовить, ухаживать за детьми. Ты нужна этому миру. Просто не как летунья, а как... опора. Без тебя не обойтись». Он улыбнулся той улыбкой, которой взрослые успокаивают детей, потерявших игрушку.

Я взяла направление. Сказала «спасибо». Вышла в коридор, спустилась по лестнице (шесть пролётов, потому что лифт только для преподавателей с тяжелыми сумками), вышла во двор и села на скамейку под деревом с золотыми листьями — единственным растением в академии, которое не требовало солнечного света. Оно росло в тени, внизу, у самого забора.

Я развернула бумагу. «Колония для бескрылых. Южная долина. Срок пребывания: пожизненно. Условия: хорошие. Работа: неквалифицированная. Контакты с внешним миром: ограничены».

Пожизненно. В семнадцать лет. Не тюрьма, но клетка. Красивая, уютная клетка с вязанием и супом на обед. Клетка, в которой нет неба, нет ветра, нет полёта. И нет его — того, с янтарными глазами.

Я достала из кармана медальон. Клетка с серым пёрышком. За три месяца, прошедших с момента видения, я носила его всегда. Иногда, по ночам, мне казалось, что пёрышко светится — слабо, едва заметно, как уголёк под пеплом. Но когда я включала свет, свечение исчезало. Я думала, это галлюцинации. Последствие удара головой.

— Эй, ты чья? — раздалось сзади.

Я обернулась. На меня смотрел парень. Моих лет. Крылья у него были... странные. Не белые, не чёрные, не серебряные, а прозрачные, как стрекозиные, с голубоватым отливом. Он держал в руке дымящуюся кружку и жевал пончик.

— Лисса, — сказала я. — А ты кто?

— А я тот, кто спрашивает. Ты чья? В смысле, на каком факультете? Я тебя не помню.

— Ни на каком, — сказала я. — Меня отчислили. Я теперь колонистка.

Парень присвистнул. «Круто. А я думал, мне хреново. Меня перевели на факультет коррекции полёта. Это значит, что у меня асимметрия крыльев, и каждый день я должен махать левым на три раза больше, чем правым, чтобы компенсировать. Представляешь, какая скука?»

— Представляю, — сказала я без улыбки.

Он сел рядом. Запах пончика и корицы перебил больничный запах, который всё ещё, казалось, прилип к моей одежде. «Лисса, а хочешь по-настоящему крутую штуку увидеть? Я нашёл в библиотеке карту. Не карту — так, набросок. Там отмечено место, где, говорят, растут крылья. Ну, у бескрылых. Тех, кто родился без них. Типа, если пойти туда и что-то сделать, то вырастают новые. Не как у всех, а лучше. Сильнее. Тёмные ходили? Не знаю. Но это легенда. Хочешь сходить?»

Я посмотрела на его прозрачные крылья. На пончик. На дымящуюся кружку (там был чай с молоком, я учуяла). И сказала:

— Нет.

Парень удивился. «Почему? Ты же бескрылая. Неужели не хочешь летать?»

Хочу ли я летать? Вопрос, который мне задавали сотни раз. Сначала я отвечала «да». Потом «не знаю». Потом молчала. А сейчас, после маминой смерти, после больницы, после разговора с деканом, после пожизненной колонии, я поняла, какой ответ правильный.

— Нет, — повторила я. — Не хочу. Потому что мечты — это якорь. Они тянут на дно. Я лучше буду жить без крыльев, чем всю жизнь гоняться за тем, чего у меня никогда не будет.

Парень замолчал. Дожевал пончик. Встал. «Жаль. Потому что я всё равно туда пойду. И карту я нашёл не для тебя. А для себя. Просто подумал, что компания не помешала бы.

Ну, бывай, колонистка».

Он расправил прозрачные крылья и взлетел. Не красиво, не грациозно — как-то боком, с креном влево. Асимметрия. Его левое крыло заметно отставало, и он кружил, как подбитая стрекоза, пока не выровнялся и не скрылся за крышей.

Я осталась одна. Под деревом с золотыми листьями. С бумагой в руке. С медальоном на груди. И вдруг, впервые за три месяца, я заплакала. Не от боли, не от жалости. А от того, что я соврала. Я очень хотела летать. Я хотела этого так сильно, что каждую ночь, когда засыпала в больничной палате, я подтягивала колени к груди и шептала в темноту: «Пожалуйста, кто-нибудь, дайте мне крылья. Я отдам всё. Сны. Воспоминания. Сердце. Только дайте мне подняться».

Никто не ответил. Ни тогда. Ни сейчас.

Я сложила направление в колонию вчетверо, сунула в карман и пошла к выходу из академии. Последний раз я оглянулась на главное здание — серую громаду с тысячами окон, из которых каждую секунду вылетали и залетали студенты. Они смеялись. Они кричали. Они жили. Им не нужно было думать о том, как спуститься с лестницы, не сломав шею.

— Прощай, — сказала я академии. — Ты никогда не была моим домом.

На воротах меня остановил охранник. Старик с одним крылом — второе ампутировали после крушения. Он посмотрел на мою бумажку, вздохнул, поставил штамп «ВЫ-БЫЛА» на лоб... шучу, на бумажку.

«Береги себя, девонька, — сказал он. — В Южной долине зимы холодные. Я там служил молодым. Бери шерстяные носки, поняла? Не стесняйся. Бескрылые часто мёрзнут. У них кровь медленнее течёт без нагрузки на спину».

Я кивнула. Взяла бумажку. Шагнула за ворота.

И сделала первый шаг в сторону, где не было академии, не было парня с пончиками, не было янтарных глаз. Только пустая дорога и далёкий дымок над трубой колонии.

Я не знала тогда, что через час сверну не туда. Что заблужусь в лесу. Что упаду в овраг, порву штаны и потеряю медальон. А когда найду его — он будет открыт, пёрышко исчезло, а на внутренней стороне крышки появится надпись: *«Ты сказала, что не хочешь мечтать. Но мечта уже выбрала тебя. Жди. Я близко»*.

Я не знала, что эта надпись — приговор. Или помилование. Или то и другое одновременно. Потому что спустя ровно двадцать три минуты после того, как я прочитала эти слова, небо над лесом разорвал чёрный корабль, не похожий ни на один летательный аппарат в нашем мире. Из него выпрыгнул человек без крыльев. Без крыльев, Карл! В мире, где всё летает. Он упал прямо передо мной, встал, отряхнулся и сказал: *«Лисса Вираго? Я посланник Альтера. У нас к вам предложение. Вы не против, если мы украдём вашу жизнь? Не всю. Только ту её часть, которая называется „бесполезное ожидание чуда“»*.

Я хотела ответить. Но в этот момент у меня на спине, там,

где когда-то давно умерли нервные окончания, вспыхнула боль. Такая, будто кто-то рождает крылья заново. Из костей. Из крови. Из сломанной мечты.

И я закричала.

Это был первый день, когда я перестала мечтать. И первый день, когда мечта перестала спрашивать моего разрешения.

Глава 2. Академия пустых небес

Боль была первой. Не той ноющей, к которой я привыкла за годы жизни с мёртвыми нервами. Нет. Эта боль палила, как если бы кто-то развёл костёр прямо под моими лопатками и медленно, со знанием дела, начал плавить кости. Я упала на колени, вцепившись пальцами в сырую землю. Лесная подстилка хрустела — сухие листья, сосновые иглы, прошлогодние шишки. Я слышала, как посланник Альтера подошёл ближе. Его шаги не оставляли следов. Или мне просто казалось от боли.

— Тише, — сказал он. Голос ровный, без эмоций, как у диктора в старых новостных передачах. — Это ломка. Твои нервные окончания не умерли — они спали. А я разбудил их. К сожалению, будильник довольно грубый.

Я хотела ответить что-то резкое, но вместо этого из горла вырвался хрип. Боль нарастала. Она имела форму — я могла бы нарисовать её, если бы не слепило глаза. Два длинных, расходящихся в стороны луча, начинающихся от позвоночника. Будто кто-то чертил карту будущих крыльев прямо на моей плоти, раскалённым железом.

— Кто... ты? — выдавила я.

— Моё имя Вектор, — сказал он. — А кто я по сути — это сложный вопрос. Я не человек, не анимаг и не бескрылый. Я — инструмент. Голос. Послание. Но для простоты можешь

считать меня курьером. Только мои посылки — не коробки, а люди.

Он наклонился и взял меня за подбородок, заставив поднять голову. Я увидела его лицо впервые. Оно было... никаким. Не красивым, не уродливым, не молодым, не старым. Обычным. Такое лицо можно забыть через секунду после того, как отвернёшься. Но глаза... глаза были не человеческие. Вертикальные зрачки, как у змеи, и радужка цвета старой бронзы. В них не было ни злобы, ни доброты. Только ровный, изучающий свет.

— Лисса Вираго, — произнёс он медленно, пробуя моё имя на вкус. — Твоя спина помнит то, что забыл твой мозг. У тебя были крылья. В младенчестве. Их отрезали. Не хирургическим путём — магическим. Кто-то забрал твои крылья, прежде чем ты успела сделать первый взмах. И запечатал память об этом в костях.

— Бред, — прошептала я. — Моя мама говорила...

— Твоя мама врала, — перебил Вектор. — Не со зла. Ей приказали. И за её молчание заплатили. Чем? Неважно. Важно другое: ты не калека. Ты — сломанный, но ценный экземпляр. Альтер собирает таких, как ты. Бескрылых с потенциалом. Он даёт крылья. Настоящие. Не перьевые, не кожистые, не световые. Крылья из чистого желания. Их нельзя сломать. Их можно только потерять, если потеряешь себя.

Боль внезапно отступила. Осталась пульсация — глубокая, ритмичная, как второе сердцебиение. Я смогла встать.

Штаны были порваны, колени в крови, но я стояла. И впервые за много лет я почувствовала свою спину. Не как чужую, мёртвую часть тела, а как живую, дышащую поверхность.

— Зачем я Альтеру? — спросила я. Голос дрожал, но я не позволила себе заплакать.

— Чтобы вскрыть небо, — ответил Вектор. — Этот мир — подделка. Его построили на лжи. Летать могут только избранные, но избранных выбирают не по праву, а по жребии миллионы лет назад. Альтер хочет это изменить. Он хочет, чтобы крылья были у каждого. Но для этого нужно разрушить Академию Пустых Небес. Потому что она — сердце лжи. Она внушает бескрылым, что они бесполезны. А крылатым — что они боги. Ни то ни другое не правда.

— И ты предлагаешь мне пойти против академии? — я усмехнулась. — Ты видел мою спину? У меня даже нет крыльев, чтобы долететь до её ворот, не то что разрушить...

— У тебя будут крылья, — перебил Вектор. — Альтер даст. Но не просто так. Ты должна выполнить одно условие. Привести к нему ту, что носит имя «Ключ». Ты её знаешь. Вы росли вместе. Она сейчас в академии. Твоя лучшая подруга. Или была ею, пока ты не стала изгоем.

Я замерла.

— Мира, — выдохнула я.

— Да. Мирослава Шэн. Дочь ректора. Девушка с крыльями цвета утренней зари. Она — Ключ к пересозданию мира. Если ты приведешь её к Альтеру добровольно, он не толь-

ко даст тебе крылья, но и воскресит твою мать. Без обмана. Без подвоха. Магия воскрешения существует. Альтер владеет ею. У него есть силы, о которых ваши академические мудрецы даже не догадываются.

Мать. Женщина, которую сбросили с башни. Которая улыбалась мне перед смертью из окна — наверное, хотела сказать что-то важное, но ветер унёс слова. Я не видела её тела. Не была на похоронах. У меня даже не было её фотографии — только память, которая с каждым днём становилась всё более расплывчатой, как старая акварель под дождём.

— А если я откажусь? — спросила я.

Вектор развёл руками. Его прозрачные (нет, не прозрачные — просто серые) пальцы шевельнулись, и между ними замерцал маленький шарик тьмы. Чистой, плотной, как смола.

— Тогда я сотру тебе память о нашем разговоре, и ты проснёшься в колонии для бескрылых через три дня. Ты будешь вязать носки, полоть грядки и ждать смерти. Никаких крыльев. Никакой матери. Никакой Миры. Только скука и боль в спине, которая теперь вернётся, потому что я разбудил нервные окончания, но не дал им выхода. Они будут зудеть до конца твоих дней. Чем-то вроде фантомной боли. Только настоящей.

— Ты чудовище, — сказала я.

— Я честный чудовище, — поправил Вектор. — В отличие от твоего декана, который улыбался, отправляя тебя в

колонию. Или твоей подруги Миры, которая не пришла к тебе в больницу ни разу. Знаешь почему? Потому что она боялась запачкаться. Ты стала прокажённой. От тебя отказались все, кроме мёртвой матери и незнакомца с пончиком.

Я вздрогнула. Парень с прозрачными крыльями. Тот, который звал меня в поход за легендарным местом, где растут крылья. Он был реален. Он был единственным, кто предложил мне надежду за весь этот день.

— Откуда ты знаешь про парня? — спросила я.

— Я слежу за тобой две недели, — спокойно ответил Вектор. — С тех пор как ты нашла медальон в подвале. Медальон — это маяк. Он настроен на твою душу. Каждую ночь, когда ты спала, он посылал сигнал. Альтер получил его и послал меня. Я ждал подходящего момента. Твой выход из академии — идеальная точка бифуркации.

Я молчала. В лесу было тихо — слишком тихо. Ни птиц, ни насекомых, ни ветра. Даже деревья, казалось, затаили дыхание. Вектор стоял неподвижно, не моргая, и смотрел на меня своими вертикальными зрачками.

— У меня есть условия, — наконец сказала я.

— Слушаю.

— Первое: я не предам Миру. Если я приведу её к Альтеру, это будет добровольно с её стороны. Я не буду её обманывать, связывать, шантажировать. Я расскажу ей всё, что узнала. И если она откажется — я приму её отказ.

Вектор склонил голову набок, как любопытная птица.

— Забавно. Твоя преданность человеку, который тебя бросил. Но хорошо. Я передам Альтеру. Скорее всего, он согласится. Ему нужен Ключ, а не рабыня. Второе?

— Моя мать. Я хочу увидеть её до того, как соглашусь на что-либо. Не воскрешённую — настоящую, мёртвую. Её тело. Я не была на похоронах. Я хочу убедиться, что она действительно мертва. И что её можно вернуть.

Вектор на мгновение задумался — впервые за весь разговор его змеиные глаза моргнули.

— Это сложнее. Тело твоей матери кремировали. По закону академии, всех умерших от несчастных случаев сжигают. Но пепел хранится в колумбарии. Я могу показать тебе урну. Этого достаточно?

Достаточно ли увидеть урну, чтобы поверить в воскрешение? Я не знала. Но выбора не было.

— Да, — сказала я. — Третье: тот парень. С прозрачными крыльями. Он идёт со мной.

— Он не нужен.

— Он нужен мне. Он единственный, кто протянул руку, когда я была на дне. Я не знаю его имени, не знаю, зачем он это сделал, но он предложил мне надежду. Я не брошу его здесь.

Вектор усмехнулся — впервые за вечер. Усмешка вышла кривой, непривычной, словно он практиковал её по учебнику.

— Ты странная, Лисса Вираго. Альтер любит странных.

Хорошо. Парень идёт с тобой. Но учти: если он станет обузой, я от него избавлюсь. Без права вето.

— Договорились, — сказала я.

Мы пожали руки. Рука Вектора была холодной и сухой, как пергамент. В момент касания я почувствовала, как по спине прошла волна тепла — боль ушла полностью, оставив вместо себя пульсирующую пустоту. Будто там, под кожей, кто-то дышал.

— Теперь вставай, — сказал Вектор. — Мы идём на север. Через лес, через Мёртвый овраг, через ручей, где вода течёт вверх. К убежищу Альтера. Там ты получишь крылья. И задание. И новую жизнь. Или смерть. Всё зависит от того, как быстро ты научишься доверять тем, кто не заслужил доверия.

— Звучит как плохой астрологический прогноз, — буркнула я.

— Это лучше, — ответил Вектор. — Это правда.

Он щёлкнул пальцами, и в воздухе замерцала карта — не бумажная, сотканная из света и теней. Она показывала лес, академию позади нас, и далеко на севере — точку, пульсирующую тёмно-красным.

— Что это? — спросила я.

— Сердце Альтера. Оно бьётся в такт с каждым бескрылым, который когда-либо хотел летать. Сейчас оно бьётся для тебя. Не подведи.

Мы пошли. Лес расступился перед нами, как старый,

уставший страж, который наконец получил разрешение уйти на покой. Ветви не цеплялись за одежду, корни не путались под ногами. Даже темнота стала мягче — не такой густой, не такой враждебной. Я шла за Вектором, слушая своё новое дыхание. В спине пульсировало обещание.

И когда мы вышли к оврагу, на дне которого действительно тек ручей — но вода в нём поднималась вверх, к небу, разбиваясь каплями о низкие облака, — я впервые за три месяца улыбнулась. Не широко, не радостно. Просто уголки губ дрогнули, и я разрешила себе это.

— Ты знаешь, — сказала я Вектору в спину. — Я ненавижу академию. Но в одном декан был прав.

— В чём?

— Эта академия — пустое небо. Без настоящих птиц. Только клетки, замаскированные под облака.

Вектор остановился. Обернулся. Его змеиные глаза в темноте светились слабо, как тлеющие угли.

— Тогда что такое Альтер, по-твоему?

Я подумала. И ответила:

— Пожар. Который сожжёт эти клетки. И, возможно, нас заодно.

— Звучит честно, — сказал Вектор. — Идём. До убежища шесть часов. По пути я расскажу тебе, почему Мира — Ключ. И почему твоя мать согласилась умереть.

Я замерла.

— Что значит «согласилась»?

Но Вектор уже шагнул в овраг, ступая прямо по вертикальному течению воды, как по лестнице. И мне ничего не оставалось, кроме как последовать за ним, цепляясь за острые камни и мокрую глину, чувствуя, как каждое движение отзывается в спине новым, незнакомым электричеством.

Мать согласилась умереть.

Эта фраза вертелась в голове, мешая думать, мешая дышать, мешая бояться. Я не знала тогда, что это была только первая ложь, которую Вектор произнёс правдивым голосом. И далеко не последняя.

Но я узнаю всё. Я обещала себе это, когда мы перешли ручей и лес сменился серой равниной, усеянной остовами старых летательных кораблей. Академия Пустых Небес осталась далеко позади. И вместе с ней — моя старая жизнь, в которой я была никем, без крыльев, без надежды, без права на мечту.

Теперь у меня было право. И мечта. Оставалось только выжить достаточно долго, чтобы расправить крылья.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.